ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 81

Д. В. Соколенко

КОНВЕРСИЯ КАК КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНЫЙ ПРИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Рассмотрена вербализация как одна из разновидностей конверсии. Проведенное исследование показало, что можно выделить как минимум четыре вида соотношений между русскими переводными аналогами и их английскими конверсивными источниками.

Конверсия, акт номинации, когнитивная лингвистика, когниция, вербализация

Данная статья посвящена рассмотрению одной из разновидностей конверсии, а именно вербализации, т. е. образованию глаголов от существительных. Мы будем сравнивать английские конверсивные пары с их русскими переводными аналогами. В зависимости от того, существует ли в русском языке однословный аналог английского конверсивного глагола, перевод его может осуществляться либо однословно, либо многословно – описательно. Английская конверсия по отношению к русскому языку нередко является источником безэквивалентной лексики, имея дело с которой, переводчику приходится прибегать к многословному переводу (например, bank (n) → bank (v), но в русском – банк (сущ.) → класть деньги в банк, а не «банковать»), т. е. в качестве аналога английского глагола «bank», образованного по конверсии от существительного «bank», в русском языке может быть предложено словосочетание «класть деньги в банк», также образованное от соответствующего существительного «банк». При этом видно, однако, что английскому глаголу «bank» в русском языке нет однословного соответствия. Разница в менталитете носителей двух языков, неодинаковое восприятие одних и тех же вещей, различный взгляд на них приводят к тому, что, во-первых, некоторые английские лексемы не поддаются однословному переводу на русский язык, а во-вторых, при переводе мы зачастую пользуемся лексемами, образованными с помощью образов, отличных от тех, которые послужили источником номинации исходных английских лексем.

Несмотря на то, что в русском языке можно образовать отыменный глагол по конверсии, близкий по плану содержания исходному имени, по форме существительное и глагол совпадать не будут. Например, возможно такое понимание русских пар типа *звон/звонить, ход/ходить*, при котором одно из этих слов образовано от другого по конверсии – путем присоединения к основе формообразующих аффиксов соответствующей части речи. В словаре лингвистических терминов говорится, что конверсия – это «образование нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения» [1, с. 202], следовательно, прибавление словообразовательного суффикса (типа -ить, -ать) не противоречит признанию конверсивной парой слова вроде *пил-а*, *пил-ить*.

Для достижения целей нашего исследования методом сплошной выборки были собраны все глаголы-конверсивы, начинающиеся с первых пяти букв английского алфавита (A–E). Таким образом, публикуемые результаты являются пилотными. Конверсия наиболее распространена в тех языках, где много нулевых морфем (как, например, в английском). В нашей статье в качестве аналогов соответствующих английских пар будут рассматриваться производящее существительное и образованный от него по конверсии глагол (если слова однокоренные) или русская номинация соответствующего процесса (если использован другой образ). Невзирая на то, что методы получения глаголов по конверсии разные в русском и английском языках, в качестве «рабочего» термина мы будем использовать понятие «глагол-конверсив» по отношению к русским эквивалентам английских конверсивных глаголов. Таким образом, под русским аналогом английского глагола-конверсива мы понимаем глагол, образованный от существительного, являющегося русским эквивалентом исходного английского существительного (например, beam (n) → beam (v) – свет → светить).

Различие в способах получения отыменных глаголов заключается в следующем: в английском языке (в силу его аналитического склада) конверсия – это безаффиксальный способ словообразования, а в русском языке представляется возможным получить глагол из существительного приставочным, суффиксальным или иными способами (carpenter (n) → carpenter (v) – плотник → плотни*чать*; butter (n) → butter (v) – масло → *у*масл*ивать*).

Очевидно, что в данных примерах в русском языке при образовании существительного и глагола использован один и тот же образ: глагол «плотничать» образован от существительного «плотник» суффиксальным способом, а «умасливать» – от «масло» приставочно-суффиксальным. Однако довольно часто при сравнении английской конверсивной пары с ее русским аналогом оказывается, что русский глагол, хотя и является однословным аналогом соответствующего английского глагола, образован от иного корня, чем соответствующее существительное. Например:

– back (n) → back (v)
спина → поддерживать (не «подспинивать»);
– chalk (n) → chalk (v)
мел → белить (не «мелить»);
– drug (n) → drug (v)
медикамент → одурманивать (не «омедикаментивать»).

Вместе с тем вполне очевидно, что в данных примерах русские глаголы тесно связаны с существительными по образу и семантике, ведь поддерживая человека, мы подставляем ему плечо, спину (back), потолок мы белим мелом (chalk), а многие лекарства из-

вестны своим одурманивающим эффектом (drug). Но встречаются и примеры, где соответствующий русский глагол не только образован от существительного другого корня, но также и несет в себе совершенно иной образ:

– bag (n) → bag (v) (of clothes)

сумка, мешок → пузыриться (не от «мешок», а от «пузырь»).

Проблема конверсии занимала многих исследователей, и их можно условно разделить на две группы. Первая группа исследователей не считает конверсию способом словообразования. Например, некоторые зарубежные лингвисты (А. Кеннеди, Г. Суит, Р. Моррис, К. Поллок и др.) склонны рассматривать данное явление как употребление одной и той же лексемы в функциях различных частей речи [2, с. 151]. Так, в грамматике Р. Морриса речь идет именно о функциональном переходе из одной части речи в другую. Синтаксический критерий выступает в качестве главного при решении вопроса о принадлежности лексемы к той или иной части речи. Каждое слово, как утверждает Р. Моррис, может быть существительным в одной части предложения, прилагательным – в другой, глаголом – в третьей [3, p. 22]. Иначе говоря, приверженцы концепции функционального перехода считают единицы типа wife (жена), to wife (жениться), knife (нож), to knife (резать ножом) и др. разными формами одного и того же слова, различающимися своими синтаксическими функциями. Они стоят на той принципиальной позиции, согласно которой слово может одновременно относиться к разным лексико-грамматическим классам [2]. Отсюда можно заключить, что эти лингвисты не замечают бóльшую семантическую сложность отыменного глагола по сравнению с производящим существительным. Ведь слова в паре back (n) (спина) и back (v) (поддерживать, букв. «подставлять спину») обладают не одной и той же семантической структурой. К лексеме back (спина) не просто прибавился смысл «подставлять»; это семантическое преобразование сопровождается метафорой.

Однако представители этой теории находятся в меньшинстве. Бóльшая часть лексикологов и лингвистов других направлений придерживаются противоположного мнения, которое заключается в том, что конверсия – это один из способов словообразования; более того, в английском языке он является одним из самых продуктивных способов. Вместе с тем приверженцы данной точки зрения дают различные определения конверсии. Например, А. И. Смирницкий предложил следующую трактовку: «Конверсия есть такой вид словопроизводства, при котором словообразовательным средством служит парадигма слова». Или другое определение конверсии: «Термин конверсия, который многие лингвисты считают не достаточным для описания этого явления, относится к ряду случаев фонетической идентичности словоформ, главным образом так называемых начальных форм двух слов, принадлежащих к разным частям речи» [4, с. 127]. Интересно, между прочим, что ни то, ни другое определение не выделяет семантическое осложнение производного слова по сравнению с производящим как особое свойство акта конверсии.

Далеко не всегда конверсия сопровождается метафорическими переносами, подобными случаю с back, но семантическое наращение в производном слове при этом всегда имеет место. Говоря о конверсии, Е. С. Кубрякова называет ее безаффиксальной транспозицией, объясняя это тем, что «в ситуации, когда новое значение у производного слова возникает исключительно как следствие перемещения исходного знака в новую часть речи, т. е. без опосредования нового значения специальным словообразовательным формантом, в появлении такого значения можно “винить” только саму транспозицию» [5]. Вклю-

чение знака в новую часть речи означает именно то, что им хотели выразить одно из категориальных значений соответствующей части речи. Так, если мы знаем, что значит «синий», и значение *синить* определяем как «делать синим», а *синеть* – как «становиться синим», «проявлять этот цвет», из этого следует, что такие значения, как «делать» и «становиться» являются кардинальными категориальными значениями глагола как такового [5]. В этих процессах отчетливо видно, что наследуется (значение исходного знака, что подтверждается референцией ко всему знаку в дефиниции производного слова), а что приобретается (категориальное значение новой части речи в его наиболее чистом и сублимированном виде). Итак, безаффиксальная транспозиция – замечательное доказательство существования у каждой кардинальной части речи нескольких ведущих и в определенном смысле первичных значений, а потому ее исследование и детальное описание – один из возможных путей изучения концептуальных оснований частей речи, а также разграничения их первичных и вторичных значений [5].

Как когнитивный феномен безаффиксальная транспозиция ярче всего отражает способность человека устанавливать простые причинно-следственные отношения в этом мире. В результате осуществляемой деятельности и действия как ее части что-то создается: стена треснула (the wall cracked) – появилась трещина (a crack appeared); деятельность достаточно тесно связана с орудием, которым она осуществляется: пилить (to saw) – пила (a saw); предметы взаимодействуют в реальном мире не независимо от того, что они собой фактически представляют. «Хорошо известно, – пишет Н. Д. Арутюнова, – сколь различны действия, целью которых является создание разных предметов», поскольку «именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение … Средневековые логики прямо утверждали, что objectum specificat actum – “объект определяет действие”» [6, с. 125].

О связи когнитивной лингвистики и акта номинации писала Е. С. Кубрякова: «…Не вызывает сомнения тот факт, что в работах ономасиологического направления ярко прослеживается тенденция отразить собственно когнитивные, познавательные моменты в номинативной деятельности и особенности создаваемых в этих процессах структур сознания, которые надлежало объективировать в актах номинации» [5]. Эта позиция была четко выражена, например, в трудах Г. В. Колшанского. «Сущность номинации, – писал он, – заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека», абстракцию как отображение реальных предметов и явлений в сознании [7, с. 12–19]. Вещь или явление – это только исходное звено в исследовании искомой формы конкретного знания о предмете, за которым закрепляется то или иное обозначение. Номинация должна поэтому рассматриваться как «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов» [7, с. 12–19].

«Точки соприкосновения между теорией номинации и когнитивной лингвистикой вполне очевидны: если в первой ставится вопрос о том, как все сущее в мире получает свое обозначение, то во второй идет речь о соотнесении языковых форм с их когнитивными аналогами, следовательно, созданные или создаваемые обозначения должны быть сопоставлены с теми структурами знания, объективации которых они служат. Различны, од-

нако, и типы наименований, моделируемые в том или ином языке, различны и структуры опыта, подводимые под эти типы наименований. Для когнитивной лингвистики и когнитивной ономасиологии оказываются поэтому существенными вопросы о том, какие именно единицы становятся носителями тех или иных значений и как осуществляется подобная номинативная деятельность» [5]. Интересным оказывается то, как, видя новую сущность и обнаруживая в ней потенциал к отражению действия, человеческий разум создает новый знак. Получается, что акт номинации неразрывно связан с актом когниции, и они являются двумя сторонами одного процесса. При этом конверсив несет в себе более сложную семантику, чем производящая основа, и в другом языке может вовсе не оказаться прямой параллели именно такому случаю когнитивно-номинативного акта. Этим хочется показать, что мы принципиально не согласны с концепцией функционального перехода: глагол, образованный по конверсии от существительного, не просто может переходить из одной части речи в другую, а является более семантически нагруженным знаком.

Проведенное исследование показало, что можно выделить как минимум четыре вида соотношений между русскими переводными аналогами и их английскими конверсивными источниками:

1) полный словарный аналог с сохранением в производном слове заложенного образа (blot (n) → blot (v) – пятно → пятнать);

2) сохранение образа, но передача через другой корень (bowl (n) → bowl (v) – кегельный шар → катать);

3) передача производного глагола на русский язык с использованием иного образа, чем тот, который содержится в соответствующем существительном (bag (n) → bag (v) (of clothes) – сумка, мешок → пузыриться);

4) полное отсутствие семантического сходства между русским аналогом английского существительного и аналогом английского глагола (особенно при наличии метафорического переноса в английском глаголе) (back (n) → back (v) – спина → поддерживать).

В приведенных примерах вполне четко отражена сопряженность акта номинации и работы мышления. В примерах первой группы очевидно, что глаголы образуются от существительных аффиксальным способом и работы с исходным образом не происходит, он остается неизменным. Несмотря на сохранение заложенного образа, глаголы-конверсивы из второй группы появились совершенно от другого корня. Однако это не нарушает семантическую близость производящего и производного слов. Что касается третьего и четвертого видов соотношений между русскими переводными аналогами и их английскими конверсивными источниками, то в рамках этой группы в переводящем языке за основу взят либо иной образ, но присутствует семантическое сходство, либо это сходство отсутствует вовсе. Чем сложнее семантические соотношения между производящим и производным словом, тем сложнее бывает найти паре аналог – даже и не однословный. Две последние группы как раз и показывают ярче всего, что производный глагол несет в себе гораздо более сложную семантику, чем его основа (пузыриться – это не просто быть «пузырем», а оттопыриваться, принимать выпуклую форму, и именно «пузыриться», а не «мешкиться», «сумиться»). Другими словами, процесс появления таких глаголов-конверсивов, которые образованы от корня, отличного от исходного существительного, и при этом несут в себе иной образ, и пока-

зывает, что акт номинации отражает акт познания, когниции. При этом разные номинативные стратегии, используемые в разных языках при номинации одних и тех же объектов когниции, свидетельствуют о принципиальном наличии многовариантных мотивов для номинации, из которых может исходить познающее мир сознание человека, и что эта многовариантность служит источником проблем при переводе.

Таким образом, когнитивный подход и теория номинации тесно связаны между собой, поскольку одним из важнейших вопросов последней является вопрос о том, какая часть знаний об объекте, переработанная или перерабатываемая сознанием и превращающаяся постепенно в концепт объекта, получает отдельное наименование, или, в других терминах, о том, совокупность каких смыслов становится поводом для их объединения и подведения под определенную материальную последовательность – «крышу» (тело) знака с последующей апробацией обществом скоррелированного с этим телом знака его языкового значения [5].

Конверсия отвечает всем этим положениям, однако, мы хотели здесь подчеркнуть, как отражается в конверсных парах и их переводных аналогах связь с менталитетом носителей английского и русского языков: если в русском языке нет соответствующего глагола для называния действия, процесса, то используется другой образ, абсолютно «логичный» для русского мышления (bag – пузыриться). Можно полагать, что так как теория номинации формировалась в отечественном языкознании, она сама может рассматриваться как вариант когнитивной теории, а ее достижения могут быть использованы для дальнейшего прогресса и развития когнитивной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Сов. энцикл., 1969.
2. Харитончик З. А. Лексикология английского языка: учеб. пособие. Минск: Высш. шк., 1992.
3. Morris R. English grammar. London: Macmillan, 1886.
4. Лексикология английского языка: учебник / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Князева, А. А. Санкин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1979.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976.
8. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

D. V. Sokolenko

CONVERSION AS A COGNITIVE-NOMINATIVE METHOD (ON THE BASIS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

This article is dedicated to verbalization, one of the conversion types. The research conducted showed that at least four types of correlation between Russian analogues in translation and their English conversion sources can be sorted out.

Conversion, the act of nomination, cognitive linguistics, cognition, verbalization